

Ши Яньсюань растерянно выслушала деда, качая головой:

— Но ведь это нелепо. Его Величество и поныне здравствует, преисполненный сил.

Старый маркиз Ши лишь горько усмехнулся. Легко рассуждать теперь, когда всё позади. Но в те годы никто не мог предугадать исход...

К тому же Пэй Чжао смолоду отличался на редкость хрупким здоровьем. Каждая зима становилась для него суровым испытанием, шагом за порог обители мёртвых. Разве мог клан Ши рисковать? Разве смели они ставить на кон всё своё будущее? Князь Ци был умён, проницателен и пользовался безграничной благосклонностью Верховного императора, тогда как болезненный наследник мало-помалу утрачивал расположение отца.

Однако престол в итоге унаследовал вовсе не князь Ци, а сосланный на окраины империи наследный принц.

Разумеется, новоявленный государь не питал к семейству Ши тёплых чувств.

Стоило Пэй Чжао взойти на трон, как старшему сыну маркиза, Ши Яньчао, исполнилось семнадцать. Юношу тут же отправили в столицу, как того требовал старинный обычай. С одной стороны, семья лишь следовала установленным правилам. С другой — это была осторожная попытка прощупать почву и узнать намерения государя.

— К счастью, твой старший брат не подвёл, — со вздохом признался старый маркиз. — Иначе я и представить боюсь, в каком положении мы бы сейчас оказались.

И старик ничуть не преувеличивал. Не обладай Ши Яньчао столь блестящими дарованиями, участь их клана была бы куда тяжелее.

— Судя по всему, Его Величеству безразлично происхождение Яньчао — его волнуют лишь способности твоего брата. Но теперь государь не желает оказывать нашему роду даже малейшего снисхождения.

В зале воцарилась гнетущая тишина.

Столь неожиданное признание повергло Ши Яньсюань в трепет и смятение. Она тщетно пыталась найти слова утешения для деда, но понимала: воля императора бездонна, как океан, а гнев его неотвратим. Что толку в её пустых словах перед лицом непреклонной небесной кары?

Снаружи донеслись чьи-то шаги. Старый маркиз тут же нахмурился и сурово бросил в сторону двери:

— Назад!

Однако шаги не смолкли. Напротив, гость уверенно переступил порог.

Это был статный молодой человек в нарядном сапфировом халате из плотной парчи. Благородные, мужественные черты его лица выдавали в нём старшего сына семьи Ши — Яньчао.

— Яньчао? — удивлённо отозвался старик. — Ты уже вернулся? Разве сегодня тебе не нужно быть на службе?

— Сегодня праздник Лаба, — спокойно ответил Ши Яньчао. — Его Величество пожаловал нам праздничную кашу и отпустил со службы пораньше.

Глаза старого маркиза вспыхнули надеждой:

— Император лично одарил тебя кашей?

Ши Яньчао почтительно кивнул.

Тяжёлый камень, что так долго давил на грудь старого маркиза, наконец-то рухнул вниз. На лице старика отразилось нескрываемое облегчение, и он радостно хлопнул себя по коленям:

— Вот и славно, вот и славно! Раз государь разделил с тобой угощение, значит, тучи над нами рассеиваются.

Ши Яньсюань грациозно поклонилась вошедшему:

— Приветствую, брат.

Глядя на резкую перемену в настроении деда, Ши Яньчао без труда догадался о причинах его тревоги. Он окинул взглядом притихшую залу и негромко спросил:

— Значит, в наше поместье императорский посланник сегодня так и не заглянул?

Старому маркизу оставалось лишь сокрушённо кивнуть в ответ.

Узнав об этом, Ши Яньчао на мгновение задумался, помрачнев.

— Где сейчас наш младший брат? — неожиданно поинтересовался он.

— Если верить расчётам, — отозвалась Ши Яньсюань, — Яньму уже должен был добраться до Дэнчжоу.

Молодой человек молча кивнул и завёл разговор о каких-то пустяках, чтобы разрядить обстановку.

Ши Яньсюань сразу поняла, что мужчинам нужно поговорить с глазу на глаз. Мягко поклонившись, дева скользнула к выходу и бесшумно скрылась за дверь.

Убедившись, что сестра ушла, Ши Яньчао повернулся к деду:

— Дедушка, вы не помните, в какой из столичных обителей монашеское имя дают по поколению «Гуй»?

Старый маркиз в замешательстве нахмурился:

— Ну и задачу ты мне задал, внук.

В здешних краях издавна шутили о сотнях храмов, чьи пагоды теряются в дымке весенних дождей. Пусть ныне буддизм уже не процветал так пышно, как при прежних династиях, вера всё ещё оставалась сильна. В столице насчитывались десятки монастырей самых разных толков и направлений, и уследить за именами послушников каждого из них было делом немыслимым. Сколько старик ни перебирал в уме известных ему наставников и затворников, никто из них не носил подобного имени.

— Ты прослышал о чём-то важном? — спросил дед.

— Да нет, просто сегодня я побывал в храме Цзяньчу и случайно услышал, как об этом шептались монахи, — уклончиво ответил Яньчао.

Старик мысленно сделал себе пометку разузнать об этом по своим каналам, но куда больше его сейчас занимало другое:

— А зачем тебя вообще занесло в монастырь Цзяньчу?

Пусть среди столичной знати и хватало набожных людей, проводивших дни в молитвах, его старший внук никогда не принадлежал к их числу. Случись подобное с кем-то другим, маркиз бы и бровью не повёл, но визит Яньчао в буддийскую обитель казался делом из ряда вон выходящим.

Ши Яньчао на мгновение опустил веки и тихо произнёс:

— Князь Вэй прислал мне приглашение встретиться там.

Казалось, только-только отпустившая старика тревога мгновенно навалилась с новой силой, стиснув сердце ледяными тисками.

— Зачем ты ему понадобился?! — вскинулся маркиз. Не дожидаясь ответа, он в сильном волнении принялся крутить в руках фарфоровую чашку, так что превосходный чай из листьев лаошаньского гвоздичного бамбука едва не расплескался через край. — Безумие... Какое безумие! Как ты мог пойти к нему сейчас, в такое беспокойное время?!

Старик сокрушённо вздыхал и качал головой, пока наконец не вымолвил:

— И что же... Что тебе сказал князь Вэй?

Яньчао, хранивший доселе невозмутимое молчание, спокойно ответил:

— Я отклонил его приглашение и не стал с ним встречаться.

Старик опешил:

— Но ты же только что сказал... — Он вдруг осёкся, сообразив, в чём дело. — Так ты пришёл в монастырь Цзяньчу, но к князю Вэй так и не явился?

Яньчао подтвердил его догадку лёгким кивком.

Лишь теперь старый маркиз по-настоящему перевёл дух. Наконец-то он смог сделать глоток из своей чашки. Терпкий, душистый настой омыл горло, принося мимолётное облегчение, но на душе у старика всё равно остался горький осадок.

Он молча опустил пиалу на столик.

В тишине кабинета раздался его долгий, исполненный печали вздох.

— Дедушка, боюсь, князь Вэй сочтёт это за оскорбление, — ровным голосом заметил Яньчао.

— Сейчас не до его обид, Яньчао, — устало отмахнулся старик. — Конечно, ты обошёлся с ним непочтительно. Но пусть даже князь Вэй исходит злобой — что он нам сделает? Единственное, чего мы действительно не можем себе позволить лишиться, это доверие Его Величества.

И всё же, произнеся эти слова, старый маркиз почувствовал, как неприятно заныло под ложечкой.

Князь Вэй, Пэй Ци, приходился единоутробным братом князю Ци. Оба они были рождены Младшей императрицей из клана Ши, и Пэй Ци являлся самым младшим и любимым сыном прежнего государя. Во времена правления Верховного императора братья купались в лучах отцовской любви и несметной роскоши. Им не было равных при дворе. Семья Ши, будучи родным кланом императрицы, разумеется, держалась к ним как можно ближе.

Тем более что Старшая императрица Ши к тому моменту давно почил в бозе, а её единственный сын Пэй Чжао томился в ссылке в далёком Ючжоу, за тысячи ли от столичного Цзянье. В те годы Пэй Чжао носил лишь пустой титул наследника, не имея ни влияния, ни поддержки. Кому пришло бы в голову заискивать перед опальным принцем, чья звезда, казалось, навсегда закатилась?

«Но разве мы сами, род Ши, не склонялись втайне на сторону князя Ци?»

Слава верных сподвижников нового государя туманила разум. Даже будучи императорской родней, они жаждали возвыситься ещё сильнее.

Но этот шаг к вершине едва не низверг их в бездонную пропасть.

Зимние метели столичного Цзянье были точно так же, как и в былые годы, и золотые чертоги высились на прежних местах, вот только мир вокруг изменился до неузнаваемости.

Верховный император томился в почётном заточении во дворце Великого Спокойствия, князь Ци влачил жалкое существование в изгнании, а былая роскошь рассеялась, словно утренний туман, не оставив и следа. Прежний баловень судьбы, князь Вэй, уцелел лишь благодаря своей юности: в силу возраста он не успел приложить руку к дворцовому перевороту четырнадцатого года девиза Жэньшоу, а потому ему позволили остаться в столице.

Однако одно дело — быть любимым сыном правящего отца, и совсем другое — заложником у единокровного брата.

Пожалуй, лишь потому, что Пэй Ци оставался единственным из сыновей старого императора в Цзянье, Пэй Чжао сохранил за ним прежнее содержание и привилегии. Но каково ему жилось в этой золотой клетке, ведал лишь сам юноша...

Нарушив обещание, они нанесли князю Вэй тяжёлое оскорбление. И всё же для клана Ши...

Для них любые новые потрясения были бы подобны смерти.

Монастырь Цзяньчу раскинулся на пологих горных склонах. Храмовые павильоны и величественные пагоды рассыпались по уступам, словно цветы, оброненные рукой

небожительницы. С высоты птичьего полёта открывался захватывающий вид на изумрудные волны сосновых лесов и бамбуковых рощ. Сама природа сотворила здесь безупречное святилище, веками оправдывавшее славу первого монастыря во всём Цзяньдуне.

В этот праздничный день обитель наполнилась паломниками. В воздухе плыл густой аромат сандала, а перед залами курился сизый ладан. Однако на самой вершине холма, в тишине башни Дхармы Цветка, царила совсем иная атмосфера.

За низким столиком друг напротив друга сидели двое юношей. Драгоценная парча, изящные заколки-гуань из червонного золота и яшмовые пояса выдавали в них отпрысков знатных родов, решивших провести досуг в уединении.

Один из собеседников то и дело бросал нетерпеливые взгляды за балюстраду, в его глазах читались надежда пополам с раздражением. Природа наградила его на редкость миловидным лицом, однако тёмные синяки, ещё не успевшие сойти со смуглой кожи, придавали его облику нелепый и потрёпанный вид.

Окажись здесь старый маркиз Ши, он без труда узнал бы в этом побитом юнце своего младшего внука — Яньму.

Но ведь несносному юноше строжайше велели убираться вон из столицы! Каким же образом он снова очутился в черте города, да ещё и в самом сердце квартала Чанганьли?

— Ну полно тебе, Яньму, не суетись, — мягко проговорил его спутник, неспешно обмахиваясь веером с золотым тиснением.

На голове его красовалась усыпанная самоцветами фиолетово-золотая корона, а стан стягивал безупречный белый пояс. Незнакомец обладал удивительной, почти девичьей красотой, а его разрез глаз, напоминавший нежные лепестки персика, одаривал каждого мягкой, располагающей улыбкой.

— Люди уже отправлены. Скоро твой брат прибудет.

— Премного благодарен вашему высочеству...

Пэй Ци тихо рассмеялся:

— К чему эти церемонии? Если разобраться, мы ведь с тобой двоюродные братья. Оставь эту холодность.

Ши Яньму не ожидал услышать от столь высокородной особы подобные слова. На душе у него сразу потеплело. Он покинул столицу ещё ребёнком и вырос на побережье Восточного моря, никогда прежде не общаясь с князем Вэй. Но во время этой неожиданной встречи Пэй Ци

проявил к нему такое участие, что Яньму мгновенно проникся к нему доверием, готовый признать в принце родственную душу. Быть может, в этом и крылся зов крови?

Ведь если судить по материнской линии, они и впрямь доводились друг другу кузенами.

Растроганный юноша принялся горячо сокрушаться о превратностях судьбы, а Пэй Ци мягко успокаивал его, призывая отринуть условности. В беседке воцарилось на редкость тёплое согласие. Собеседники вели приятную, непринуждённую беседу, наслаждаясь обществом друг друга.

Когда на лестнице слышались торопливые шаги, князь Вэй просиял:

— Ну вот, я же говорил! Наверняка это твой старший брат пришёл.

Однако, обернувшись, они увидели лишь молодого слугу, за спиной которого никого не было.

Пэй Ци недоуменно нахмурился:

— А где же Яньчао? Почему ты один?

Слуга поспешно склонился, пряча глаза:

— Ваше высочество, этот ничтожный даже не удостоился аудиенции. Старший сын Ши сослался на спешные семейные дела и покинул обитель. Он просил передать, что принесёт свои извинения в другой день.

Пэй Ци до последнего надеялся, что Ши Яньчао примет его приглашение. Получить столь явный и пренебрежительный отказ для него, царственного отпрыска, было неслыханным оскорблением. Лицо князя пошло багровыми пятнами от гнева.

Ши Яньму сперва хотел было возмутиться — неужели брату не передали, что он тоже ждёт его здесь? Однако, скользнув взглядом по искажившемуся лицу кузена, он испуганно прикусил язык.

В башне повисла звенящая, неловкая тишина.

Яньму не находил себе места от растерянности.

— Ваше высочество... — тихо позвал он. — Мой брат, должно быть...

— Ничего страшного, — перебил его Пэй Ци. С трудом вернув лицу самообладание, он

вымученно улыбнулся и махнул рукой. — Верно, дома стряслась какая-то беда, раз он сорвался в спешке, даже не успев со мной поздороваться. Это я должен просить у тебя прощения. Обещал свести вас вместе, да не сдержал слова.

— Позвольте мне самому разыскать его и во всём разобраться!

— Ни в коем случае! — отрезал князь Вэй. — Твой дед велел тебе немедленно покинуть столицу. Если он прознает, что ты всё ещё околачиваешься в Цзянье, пиши пропало. В таком случае даже я при всём желании не смогу выгородить тебя перед старым маркизом.

Ши Яньму испуганно закивал, признавая правоту его слов. Напряжение постепенно спало, и беседа вернулась в прежнее русло.

И всё же ни величественный вид на горные цепи, ни умиротворяющие очертания пагод за занавесью больше не радовали глаз.

На душе у Ши Яньму было беспокойно. Он подошёл к балюстраде и принялся уныло разглядывать толпу внизу, как вдруг взгляд его зацепился за знакомый силуэт. Юноша застыл. В ту же секунду волна бешеной ярости захлестнула его сознание. Старые обиды и недавний позор разом вскипели в груди горючей смесью.

— Ваше высочество, — проговорил он, и в его голосе зазвучали нотки лихорадочного возбуждения. — Раз уж мой старший брат обделил нас своим вниманием, почему бы нам не позвать другого гостя?

— И кого же? — полюбопытствовал Пэй Ци.

Яньму хищно прищурился:

— Наследного принца Нина.

<http://bllate.org/book/20087/2001859>